

Таланты творца (К 75-летию В. Г. Никифорова)

Пролог из далёкого прошлого

Эта, одна из самых первых в моей жизни журналистских командировок оказалась более чем счастливой. Как и просил шеф, удалось познакомиться с неординарным, интересным, увлечённым, устремлённым в будущее молодым человеком, почти моим ровесником Виктором Никифоровым. Основным его занятием было вести уроки музыки в детской школе, учить ребят игре на разных народных инструментах. Преподаватель сам ещё был студентом — заочником Ленинградского института культуры, много времени отнимала, так называемая, общественная работа. Был он избран комсомольским секретарем довольно многочисленной организации всего Пушкиногорского района. Тогда Виктор рассказывал, какая интересная у него жизнь, какие хорошие у него детки — будущие балалаечники, гармонисты, баянисты. И о своих комсомольцах рассказывал с любовью. А сколько всего было задумано в только что начинающейся жизни!

Наше интервью было опубликовано в праздничном номере «Молодого ленинца» в декабре 1968 года. Мне было приятно услышать добрые отзывы коллег-наставников. А ещё, что не менее важно, наши добрые отношения с газетным героем продолжают и через десятилетия. Мы по-прежнему рады каждой встрече, есть о чём поговорить, даже пооткровенничать. Замечательно и то, что живём, можно сказать, по соседству — моё родное Устиново почти рядом со Святыми горами. Ровесники обычно не замечают, как летят, катятся их годы. Это и хорошо! Слава Богу, Виктору Григорьевичу в мае Юбилей! 75! Прекрасный повод продолжить интервью 47-летней давности.

В. Ф. — Виктор, спасибо, что сохранил среди своих многочисленных творений нашу публикацию — свидетельство тех молодых лет.

В. Н. — Именно эта газета заставляла меня выполнять планы, о которых заявил тогда публично.

Войну встретил в зыбке

Роднит нас с Виктором похожее детство. Я встретил фашистов уже на ножках, в четыре годика, кое-что даже запомнил. Витя, ещё несмышленный лежал в зыбке. В каждой крестьянской избе была такая легенькая люлька, сплетённая из ивовых прутьев. Обычно, когда ребёнок вырастал, её отправляли на чердак, до появления следующего малыша. Но рациональных иноземцев удивила не столько необычная качалка (может, есть в этом какой-то резон), а приспособление для убаюкивания ребёнка. Зыбка была подвешена по потолком на длинном гибком шесте. Один конец наглухо был закреплён к потолочной слеге — на другом подвешена зыбка (у немцев вместо шеста, наверняка, была бы приспособлена пружина). А ещё у русских к шесту привязывалась петля, чтобы ногой качать ребенка, когда мать или бабушка чем-то занята, а надо было приглядывать и за дитём.

Увидев всё это изобретение, немцы, рассмеялись, — рассказывала потом мама Саша.

Родная деревня Никифоровых была оккупирована, как и вся Псковщина, уже летом 41-го.

Опомниться не успели. Отец, строитель подмосковных аэродромов, уже не мог вернуться на объект. Домашние даже были рады, что Гриша остался рядом с ними. Было кому заботиться о маленьких сыновьях, о стариках — родителях. Естественно, оккупанты стали хозяйничать на захваченной территории. Отца определили, как самого грамотного в комендатуру. После войны земляки рассказывали, на писарской работе Гриша отнюдь не был слугой фашистов. Но запросто мог быть казнён за тайную помощь бедным, немощным старикам — за использование служебного положения и подрыв оказанного доверия.

Фёдоров Владимир Михайлович — член Союза журналистов России (г. Псков).

В Лобазах, в своём доме Никифоровы оставались не долго. Немцы тоже приглядывались к русским — кто как ведёт своё хозяйство. Обратили внимание на эту семью, и решили, что такие старательные люди пригодятся и в Германии. Был выделен специальный транспорт, чтобы поместились и семья, и корова. Так что маленький Витя питанием был обеспечен. Григория эта поездка в неведение страшила. Где-то в Латвии на приграничье с Псковщиной увидел знакомые места и селения, и тут же пришла мысль: бежать! Пришлось расстаться с коровой, искать какое — то убежище. К счастью, встретились добрые люди — латыши. Надёжно спрятали русских беженцев в сухом и просторном подвале. В таком составе и в таких условиях жили довольно долго и дружно!

Как потом выяснилось, молодая дочь хозяйки была латышской партизанкой. Немцы охотились за ней. Хитрость бабушки Никифоровых Матрёны самым настоящим образом помогла спасти девушку-патриотку и всех нас, живших в этом доме. Виктор вспоминал ребячьи проказы:

— Мы были маленькими, когда немцы праздновали день рождения фюрера. Кажется, пытались чем-то угостить и нас. А мы все равно, втихаря, повторяли заученную фразу:

— Гитлер капут, Гитлер капут!

Наши устиновские ребята тоже знали эти немецкие слова и без конца их произносили. Не хотели и не могли русские люди воспринимать и понимать чужую речь. И их порядки. Но у захватчиков на всяких сопротивленцев было настоящее оружие. Не подчинился, возразил — получай пулю. Все эти немецкие порядки остро врезались в детскую память мою и Виктора. У нас своя память о том времени.

Пусть опосредованно будет сказано, но дети внесли немалый вклад в разгром врага, нашу Победу. Идя в бой командир, солдат, конечно же, думал не столько о себе, сколько о своих детях и всех родных, оставшихся дома. На Псковщине действовали партизанские отряды, наши защитники. Правда, нередко, успехи народных мстителей кончались трагедиями для целых деревень. Каратели сжигали постройки вместе с людьми. За связь с партизанами, за то, что кормили их, одевали.

Да простит нас читатель, что в праздничном очерке коснулись мы с Виктором незабываемых для нас военных событий. Просто юбилеи оказались рядом. И ему и мне история Великой Отечественной близка и понятна, считаем, что пора отдать должное детям войны, которые ещё хранят живую память о тех трагических событиях. И еще могут живым голосом что-то рассказать не только детям, но и внукам, правнукам.

После освобождения Пушкинских Гор Никифоровы решили начать мирную жизнь в районном посёлке — поближе к людям. На горе Закат выкопали окоп, напоминающий простую нору. В ней жили до наступивших холодов. Потом мать с малыми детьми на зиму приютили добрые знакомые. В полуразрушенном доме на Совхозной улице в ужасных условиях и страшной тесноте пережили первую мирную зиму. Со строительством своего жилья долго не получалось. Сначала не разрешили на выбранном месте, потому что оно было напичкано минами. Ждали, когда придут сапёры — наши же девушки, проведут взрывные работы.

— Первый победный год мы остались уже без отца, — вспоминал Виктор. — И стройка наша очень осложнилась. Сотрудники МГБ после изгнания немцев быстренько провели проверку оставшихся в посёлке мужиков, расспросили народ, кто, чем занимался при оккупантах. Нашли, что папка «пособничал» захватчикам, работая писарем в русско-немецкой конторе. А сколько добра сделал для земляков, помогая беднякам, многодетным, старикам — до этого не докопались. Почти десять провёл в лагерях.

Лишь после освобождения из лагеря, вернувшись в семью, смог Григорий заняться стройкой, созданием бытовых удобств. В Опочке купили сруб. С помощью родственников, друзей, соседей по брёвнышку собрали стены, навели крышу. Только тогда, через десять лет после войны почувствовали тепло, уют и покой в своём жилище. То-то была радость для всех, особенно для ещё маленьких братишек школьников.

Как-то незаметно Витя соприкоснулся с поэзией, почувствовал красоту и ритм рифмованных строчек. Ещё в начальных классах ему нравилось, как читают стихи артисты

Ильинский, Обухова. Однажды сам выучил и прочитал ребятам и учительнице длинную поэму Исаковского. Удивил всех.

В девять лет к празднику сочинил свой стих «Советской родины солдат», который тогдашний редактор А. Савыгин даже опубликовал в газете. Всё чаще стали привлекать мальчишку к школьным культурным мероприятиям, как чтеца, артиста, смельчака. А потом и как поэта. Его всячески поддерживал в творчестве директор Яков Матвеевич Васильев. Как потом выяснилось, сам педагог увлекался сочинительством.

Так и хочется на этом месте вставить авторскую ремарку: видно этот Пушкинский край пропитан поэзией. Особенно много стихотворцев развелось в Музее-заповеднике.

После окончания школы была попытка поступить в Ленинградское культпросветучилище. Но тогда особенно не церемонились с абитуриентами из провинции, да ещё из чужих областей. Тут же парня призвали в армию. К счастью оказался в Кронштадте, в школе подводников. Места службы и казармы оказались в удобном и счастливом месте — вблизи от Кировского театра и улицы Римского — Корсакова. Когда оставались непроданные места, моряков приглашали в зал. Таким образом, Виктор просмотрел многие спектакли, разные режиссёрские работы. По-настоящему полюбил Кировский. Позднее эти уроки искусства очень пригодились ему в работе — сценической и преподавательской.

Романтическая корабельно-морская служба хотя и оставила неизгладимый след в жизни парня, но личные увлечения и тоска по родным краям пересилили. Теперь уже поступил в Ленинградский институт культуры на дирижёрское отделение оркестрами русских инструментов. Для Виктора главным является баян. На нём достиг виртуозности.

Помните, в истории Пушкинских Гор было знаменательное событие, когда из областного центра переселили в район культурно-просветительское училище. Может, такое рассредоточение учебных заведений пошло бы на пользу развитию региона? Тогда, в 1964-м жизнь посёлка, что называется, всколыхнулась. Сюда перебрались много талантливых, интересных, известных людей. Поднялся культурный уровень, жизнь, что

называется, била ключом. В это время и в эту среду попал молодой преподаватель музыки Виктор Никифоров. Он со своим баяном был самым востребованным специалистом при проведении разных культурных мероприятий. С каждым годом увеличивалось число выпускников «музыкалки», многие неплохо владели народными инструментами, можно было даже организовывать свой маленький оркестр. И дирижер создавал такие коллективы музыкантов. Выступления пользовались успехом у слушателей — зрителей и высоко оценивались специалистами. Сам Виктор часто появлялся на сценах в разных ролях. Поэтому скоро стал в Пушкинских Горах самым известным и узнаваемым человеком с приветливой улыбкой и добрым взглядом всегда не унывающий, в хорошем настроении.

Мартиролог ушедших деревень

Как же горестно, печально, без молитвы и прощальных слов благодарности и сейчас продолжаем мы хоронить, отправлять на тот свет десятки и даже сотни псковских деревень. Скоро исчезнут из административной карты области названия селений. При написании этого очерка мы пользовались справочником, составленным псковскими архивистами в 1988 году. В него вошли деревни периода 1917–1988 гг.

Об исчезнувших селениях, о забытых родных печинах у нас с Виктором одна печаль и тревога: нельзя отпускать в забвение даже такие, казалось, маленькие странички истории и географии нашей малой родины.

Глубоко вникать в эту проблем Никифоров начал двадцать лет назад, когда был приглашён на работу в музей А. С. Пушкина «Михайловское», на должность научного сотрудника, заведующего сектором изучения русской усадьбы.

В первую очередь имелись в виду дворянские, помещичьи имения.

Но молодому сотруднику, крепко привязанному к родным местам, имеющему рядом столько друзей, знакомых сразу стало ясно, что изучением только барских усадеб тут не обойдешься. Как ищущий творческий человек, Виктор расширил рамки своей деятельности, считая, что каждое селение чем-то прославилось. Конечно, необыкновенными судьбами. Как это ни горестно и печально,

но мы и сейчас продолжаем расставаться, хоронить наши псковские деревни. Без божественного отпевания, заветных слов прощания. Как у краеведов, на эти темы у нас с другом были долгие разговоры. Не должны оставаться вне памяти и маленькие селения, и даже хутора.

Нескончаемыми были беседы на родословные темы. Непонятно, почему мы, сами уже в старческом возрасте копались в своём прошлом. Может, хотели найти черты характера, привычки, даже мелкие черточки, что передалась нам от отцов и матерей, и даже дедов и прадедов. Кто и какие рубцы оставил в потомках.

Мысленно и по памяти заглянем в некоторые сохранившиеся в справочниках деревни.

У Виктора начинает ёкать сердце при одном упоминании деревни Дорохово, что в 13 километрах от Пушкинских Гор и где-то совсем близко от нашего Устинова. Знал я о Дорохове давно, потому что оттуда привёл жену Паню самый крупный и видный малец Ваня-сын безногого Кузьмы Павловича, с которым ещё жили дочери Зоя и Женя. Ванина женитьба, несмотря на военное время, была проведена по всем гражданским и церковным правилам. Сумел Кузьма Павлович из картошки и зерновых ростков сделать довольно крепкую самогонку. А потом ещё несколько лет была протоптана в лесу и не зарастала прямая дорожка из Устинова в Дорохово. Так было принято у всех деревенских молодожёнов: по субботам ходить в «зятеньскую». Едва ли сейчас можно увидеть на той дорожке человеческие следы. И осталось ли что от самого Дорохова? Если у меня к этим селениям чисто бытовой земляческий интерес, то для Виктора там родословные корни. Оттуда родом его далекая прабабушка Матрена. Не простая псковитянка! Изучая материалы о польском лидере повстанцев Костюшко, встретилось ему имя русской крестьянки Матрёны... Поистине невероятная для того времени история!

Виктора не покидает мысль узнать подробности жизни далекой родственницы.

Хотя и печальным, но увлекательным занятием стало для Виктора составление мартиролога деревень Пушкиногорского рай-

она. В год 70-летия Победы. Сам Виктор ещё в прежние годы внёс значительный вклад в военную тему. Им были сочинены несколько авторских песен (на свои слова и музыку). Например, такие патриотические произведения, как «Песня о Борисе Михайлове», «Песня о Чертовой горе», «Май на Стрежневском плацдарме» и другие, уже известные землякам.

Разумеется, составляя мартиролог существующих и ушедших в небытие пушкиногорских селений, не могли мы не вспомнить о славном юбилее — 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, не назвать наиболее отличившихся защитников Родины.

Характерный пример — семья Васильевых из деревни Мирониха. Отсюда ушёл воевать будущий Герой Советского Союза Никандр Васильев. Составляя о нём справку, Виктор позвал на помощь меня, зная, что я собрал обширный материал об этом человеке, так как он является близким (по бабушке) родственником нашей семье. Ценными для летописца Никифорова оказались сведения и о других мужчинах Васильевых. Вместе с отцом Василем Васильевичем на фронт были призваны сыновья Никандр и Алексей.

Отец обслуживал «Дорогу жизни» на Ладожском озере. К сожалению, а может и к счастью, там, на Ладоге Василий Васильевич был тяжело ранен в позвоночник. Отправили в Вологодский госпиталь. Сначала списали подчистую... но, когда извлекли из спины осколок, немного оклемавшись, снова попросился к наковальне. Но это было уже в тыловой Вологде.

Чтобы не удаляться от Ладоги, сообщим еще один любопытный факт. По тому же льду, но на скоростных, малоуязвимых противником буерах под парусами возил в Ленинград грузы племянник Василия Васильевича — Дима. После войны он неоднократно становился чемпионом города и страны по буерному спорту.

Но мой рассказ о сыновьях Васильевича — Никандре и Алексее. Письма от сыновей отец получал, ещё находясь в госпитале. Никаких рассказов о подвигах. Заканчивались они разрешённой цензурой одинаковой фразой: «пока жив и здоров». В своё время читал я эти фронтовые весточки, сохраняемые в се-

мье. В той же пачке нашёл газету «Пушкинский колхозник» от 21 июня 1945 г. с короткой информацией о братьях: «Братья Никандр и Алексей Васильевы из деревни Мирониха Великосельского сельсовета за боевые заслуги на фронтах Великой Отечественной войны награждены орденами и медалями. Алексей отдал свою молодую жизнь за Родину уже в конце войны в логове фашистского зверя».

О Никандре Васильевиче, Герое Советского Союза было несколько моих публикаций в разных изданиях. Естественно, летописец воспользовался ими. В беседе уточнял подробности, расспрашивал про семью. Героя он был удостоен за успешно проведённую операцию по освобождению Керченского полуострова. Десантники — артиллеристы под командованием Васильева действовали тактически грамотно. Именно расчёт Никандра открыл дорогу на Керчь...

Остановившись в безлюдной Миронихе, нам было о чём подумать и потревожиться.

Почему это славное необычное место никак не помечено — нет ни указателя, ни стелы, ни доски. Уместно здесь сослаться на другой справочник «Псковичи Герои Советского Союза» А. Я. и А. П. Арсеньевых (Лениздат, 1983 г.). В нём значатся 154 фамилии. В своих многочисленных командировочных поездках по области лишь в некоторых местах можно встретить мемориальные обозначения о Героях. А ведь минуло всего 70 лет! Значит, о потомках не подумали...

Составляя даже выборочный список пушкингорских деревень, мы с Виктором удивлялись тому, какими выдумщиками были наши предки, давая имена селениям. Нам эти названия показались любопытными и загадочными. И потому самые необычные решили упомянуть ещё раз в этом очерке. Возможно, кому-то из читателей будет любопытно заняться расшифровкой редких названий. Итак, вот эти загадки: Выли, Чашки, Бобры, Дранцы, Чухны, Красково, Позолотино, Клопы, Приворот, Щемеровы Боровы, Купры, Теличино, Баслаки, Бильдюги, Боровые Куки, Бахлицы, Запрягаево, Лескутино, Горай-Куки, Мякиши, Прибодово, Слезы, Сучная, Жаворонковы-Слепни, Сорокино-Жуки, Суколи, Торболы.

Самым густонаселённым сельсоветом всегда был Пушкингорский со своим оригинальными названиями деревень: Авдаши, Атюхино, Бирюли, Богомолы, Бутово, Брюхово, Буруны, Буши, Ворогушино, Гайки, Глазки, Гузаревы. Дупли, Клопы, Козаны, Козляки, Косохново, Лежнево, Лобазы, Печохново, Приворот, Пупово, Свинухи, Сермолы, Чертова Гора, Шевели, Шмотки, Щемеровы Боровы...

Сам Виктор Григорьевич частенько заглядывает в этот перечень, и продолжает строить свои догадки, удивляться фантазии и творчеству таких далёких предков.

В настоящее время, как сообщил Виктор Григорьевич, уже издан первый том этой работы.

Вирши ко дню ангела

Творческие люди, к которым относится и мой герой, как правило, не останавливаются на каком-то одном достижении. Вот и Виктор Григорьевич, получив музыкальное образование, освоив баян, став педагогом в школе, решил попробовать себя в роли экскурсовода (профессия в Пушкинских Горах востребованная). А послушав известных исполнителей поэзии Пушкина, самому захотелось прочитать что-то со сцены. Знатоки оценили, дали «добро». Стал артистом. А как можно в таком волшебном месте обойтись без собственного сочинительства?! Рифмы, мотивы, образы сами просятся в душу, на бумагу. И Виктор, конечно, поддался этому соблазну. Как читатель и друг утверждаю, что многие его миниатюрные творения получились удачными.

О литературном творчестве Виктора Никифоровича следует сказать особо. Я уже упоминал о том, как ещё в детстве паренёк внимательно вслушивался в рифмы и напевы всенародно признанных поэтов: Пушкина, Некрасова, Есенина... Список этот можно продолжить, потому что нравились ему многие и разные стихи. Такое пристрастие переросло в желание сочинять самому. Помнит, как в 1957 году записал стишок «Советской Родины солдат». Патриотические строчки были опубликованы в районной газете. Такое тиражирование вдохновило эмоционального, впечатлительного Виктора. И он продолжал творить. Чаще тайком только для себя и самых близких друзей.

Только в последние годы с одобрением и помощью Музея-заповедника А. С. Пушкина удалось издать скромный поэтический сборник, в который вошли многие творения прожитых лет. Озаглавлен он словами глубокого смысла — «Моя душа — Пушкиногорье».

И вот теперь, продолжая рассказ о друге, мне очень помогла его книга. Прочитав её, я многое узнал об авторе, его душе, окружающих его людях-героях виршей. Почти все они пушкиногорцы — очень обаятельные, милые и приятные люди. И Виктор зорко вглядывается в них и показывает только хорошие черты: доброту, сердечность, бескорыстие. Все земляки симпатичны и милы автору. Наверное, потому, что живёт он все 75 лет в этом краю. Знает многие человеческие истории и подробности, предков и потомков.

Основу книги Виктора составляют короткие посвящения известным и неприметным землякам — вирши. В определении знатока русского языка Владимира Даля так назывались старинные силлабические стихи, позднее приобретшие ироническую оценку как не совсем совершенных стихов. В основном, поздравительных, самодеятельных, но с идущими из самого сердца словами. Виктор сам критически оценивает свои творения, считая их домашней забавой. Только в книге я насчитал их более ста. Размещены они по «цеховому» принципу. Больше всего (24) поздравлений направлены коллегам по НКЦ, где трудился Никифоров много лет. Педагогам Пушкиногорской средней школы — 19, медикам ЦРБ — 10. А ещё, он выделяет лучшую половину человечества — женщин-землячек — 25, сильной половине досталось всего 16 мест. Не мог он обойти вниманием родное детище — школу искусств — 16 шаржей. Уже по одной только этой статистике можно судить, как почитает земляков Виктор Григорьевич, и как уважаем он сам.

Для убедительности приведу несколько образцов посвящений, здравниц.

С. С. Гейченко:

Он знает каждую травинку,
Что шепчет летом на лугу,
И знает к Пушкину тропинку
Ту, что найти я не могу... (1973 г.)
или

И. Ю. Парчевской:

Она не устаёт трудиться,
Душа светла и горяча.
У Иры нет дешёвых ситцев,
А только чистая парча!

В. С. Бозыреву:

Засверкало Петровское озеро,
Вспыхнул Сороти ласковый взгляд.
Ах, Владимир Семенович Бозырев!
Неужели уж Вам пятьдесят!
Остроумный, весёлый, как в юности,
Сердце бьётся легко горячо
Ну, бывают, естественно, трудности
И немного проблем с «Москвичом».
(1980 г.)

А. И. Бушуеву:

Сражался он на Чёртовой горе
И был серьёзно ранен.
Не отразилось это на игре
Его прекрасной, на баяне.

В наших мужских разговорах нас больше занимали проблемы деловые. Почти не касались житейских. Например, такой важной темы, как семья — крепость, в которой скрываются сначала влюбленные, а потом любящие друг друга два человека и их дети. Виктор был уже не юноша, приближался к тридцатилетию, когда познакомился с зубным техником Людмилой. Не любовь к музыке невесты и не болезнь жениха свели их воедино, а что-то большее. Может родство душ? Или это была судьба? Скорее воля Божия!

Через десять счастливых лет совместной жизни и в благодарность за рождение сына Леши написал Виктор проникновенное стихотворение — признание жене. Оно очень уместно в очерке о нынешнем 75-летнем юбиляре Викторе Григорьевиче Никифорове:

Я с древним мифом не согласен.
Не из Адамова ребра —
Ты вся из радости и счастья,
Ты вся из света и добра.
Из аромата трав весенних,
Из гибкой плавности реки,
И ты из «чудного мгновения»
Горячей пушкинской строки.
Ты из заботы повседневной,

Из верности и чистоты,
Из тихой песни колыбельной,
Из материнской ласки ты!

Вот это поэтическое печатное признание в любви к родному человеку, по-моему является по-настоящему убедительным и искренним. Долгого вам счастья, Людмила и Виктор!

С позволения героя очерка закончу я своё повествование его шутливыми строками:

Здесь погребён поэт, артист,
Учитель пенья, баянист.
Приятно детям было с ним —

Он душу отдавал уроку.
Но если чем-нибудь он занялся одним,
То больше б было проку! (1997 г).

Послесловие:

— И всё-таки, Виктор, вернёмся в молодость, когда неистовому интеллигенту было не по себе даже в Пушкиногорском крае. Что изменилось?

— По-прежнему считаю, что всякое творчество совершается наедине с собой — тайно, может даже интимно. Но с годами расширяется круг людей, которые понимают творца. К этому он и стремится...